

определенным социальным благом; требовать определенного поведения от других лиц; прибегать в необходимых случаях к государственной или общественной защите.

Надо признать, что права и обязанности действительно являются сердцевинной правовой положения осужденных, его базовыми элементами и до принятия Уголовно-исполнительного кодекса 2000 г. только они были закреплены на законодательном уровне в структуре правового положения осужденных.

Вместе с тем, как показала практика применения наказания, сфера дозволенного поведения у осужденных весьма многообразна и неоднородна как по количественным, так и по качественным параметрам. На это обратили внимание отдельные исследователи, которые, разрабатывая вопросы содержания правового положения осужденных, пришли к выводу о том, что сфера дозволенного не ограничивается исключительно субъективными правами, параллельно им существуют такие правовые явления, объяснение сущности и содержания которых с позиции субъективных прав невозможно. Эти правовые явления было предложено обозначать в качестве законных интересов осужденных.

Основной аргумент заключался в том, что некоторые правовые возможности, характеризующие сферу дозволенного поведения для осужденных и выражающие их притязания, традиционно объединяемые под понятием их субъективных прав, не отвечают признакам последних. И только такая категория, как «законные интересы», является тем элементом правового положения осужденных, который, будучи закрепленным в нормах права и, соответственно, находящимся под защитой государства, существенным образом дополняет их субъективные права, тем самым позволяя каждому лицу, отбывающему наказание, удовлетворять свои притязания, пользоваться определенным спектром различных жизненных благ, реализовывать свои материальные и духовные потребности.

Кроме этого, законные интересы являются юридическим средством обеспечения потребностей и запросов личности, стимулирующим ее к исправлению, так как выступают побудительным мотивом правомерного поведения осужденных, способствующим формированию готовности личности вести правопослушный образ жизни после освобождения от наказания.

С учетом этого, под законными интересами осужденных понимаются закрепленные в нормативных правовых актах и в определенной степени гарантированные положительные стремления лиц, отбывающих наказание, на получение предусмотренных законодательством конкретных благ, удовлетворение которых осуществляется по усмотрению компетентных должностных лиц в результате объективной оценки их поведения. В отличие от прав законным интересам не противостоят прямые юридические обязанности соответствующих лиц (контрагентов), они не имеют твердых юридических гарантий, опираясь на которые можно было бы отстаивать их во всех случаях; у них слабее материальная база, не позволяющая обеспечить их полное удовлетворение. Тем не менее эти интересы являются законными, поскольку охраняются и защищаются законом, что и отличает их от иных интересов.

В рамках реализации положений Концепции развития организаций уголовно-исполнительной системы и лечебно-трудовых профилакториев Министерства внутренних дел Республики Беларусь, утвержденной приказом МВД Республики Беларусь от 20 июня 2016 г. № 167, значимость изучения и научной разработки категории законных интересов в механизме юридического гарантирования правового положения лиц, отбывающих наказание, существенно возрастает. Удельный вес рассматриваемой категории в статусе осужденных, особенно отбывающих наказание в виде лишения свободы, значительно выше, чем в конституционном или любом отраслевом статусе. Это связано с тем, что законодатель сознательно наделяет осужденных не столько правами, сколько возможностями поступать тем или иным образом с целью последующей оценки поведения для принятия решения об изменении степени применяемых правоограничений как в сторону их уменьшения, так и увеличения. В подавляющем большинстве случаев эти возможности связаны с улучшением условий отбывания наказания осужденными и выступают в качестве стимулов к одобряемому обществом поведению. Поэтому они, как правило, обусловлены предъявляемыми к осужденным требованиями правомерного поведения, добросовестного отношения к труду, обучению.

Таким образом, дальнейшее исследование законодательного механизма закрепления законных интересов осужденных, а также совершенствование практики их реализации является одним из актуальных направлений гуманизации и повышения эффективности функционирования уголовно-исполнительной системы Республики Беларусь, имплементации в отечественное законодательство международных стандартов в сфере отправления правосудия и положительного опыта зарубежных стран. В конечном счете это будет способствовать реальному достижению целей уголовной ответственности, повышению эффективности социальной адаптации и реинтеграции в общество лиц, отбывающих наказания, уменьшению уровня рецидивной преступности, повышению уровня правовой культуры граждан.

УДК 343.81

А.Н. Кимачев

ЦЕЛИ ОСТАВЛЕНИЯ В ВОСПИТАТЕЛЬНЫХ КОЛОНИЯХ ОСУЖДЕННЫХ К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ, ДОСТИГШИХ СОВЕРШЕННОЛЕТИЯ, В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

В соответствии с ч. 3 ст. 58 Уголовного кодекса Российской Федерации лицам, осужденным к лишению свободы, не достигшим к моменту вынесения судом приговора восемнадцатилетнего возраста, отбывание наказания назначается в воспитательных колониях. В свою очередь ч. 9 ст. 74 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации определяет, что в воспитательных колониях отбывают наказание несовершеннолетние осужденные к лишению свободы, а также оставленные в этих учреждениях до достижения ими возраста 19 лет.

Оставление в воспитательных колониях совершеннолетних осужденных к лишению свободы до окончания срока наказания, но не более чем до достижения ими возраста 19 лет осуществляется в целях закрепления результатов исправления, завершения среднего общего образования или профессионального обучения.

В российской научной литературе вопрос о целесообразности оставления недавних подростков, ставших совершеннолетними в воспитательных колониях, поднимался неоднократно на протяжении довольно длительного периода времени. Сторонники рассматриваемого института говорили о необходимости соблюдения непрерывности воспитательного процесса, противники обращали внимание на уровень правонарушений в учреждениях со стороны указанной категории лиц.

Несколько иначе, относительно возраста лиц, отбывающих наказание в воспитательных колониях, обстоит ситуация в Республике Беларусь. Аналогичным Российской Федерации образом в белорусских воспитательных колониях отбывают наказание несовершеннолетние осужденные к лишению свободы, а также оставленные в этих учреждениях после достижения ими восемнадцатилетнего возраста (ч. 10 ст. 64 УИК Республики Беларусь). Но в отличие от российских осужденные к лишению свободы в Беларуси, достигшие за время лишения свободы восемнадцатилетнего возраста, как правило, продолжают отбывать наказание в воспитательной колонии до достижения ими возраста 21 года (ч. 1 ст. 132 УИК Республики Беларусь).

Оставление осужденных, достигших совершеннолетия, в воспитательных колониях Республики Беларусь преследует, видимо, те же цели, что и в России, связанные, в первую очередь, с обеспечением возможности закрепления результатов исправительного воздействия, завершения образования и профессионального обучения, исключения у воспитанников мотивации временного положения в учреждении и необходимости готовиться к отбыванию наказания среди взрослых осужденных. При этом белорусское законодательство сохраняет неурегулированными нормативно цели оставления в воспитательных колониях осужденных, достигших совершеннолетия.

Дефицит юридически определенных целей оставления в воспитательных колониях осужденных, достигших совершеннолетия, на первый взгляд, может свидетельствовать о некоторой доле произвольности и отсутствии системного подхода к последующему пребыванию таких повзрослевших воспитанников в условиях «детских» исправительных учреждений. Действительно, в соответствии с ч. 1 ст. 132 УИК Республики Беларусь осужденные к лишению свободы, преодолевшие порог совершеннолетия, как правило, продолжают отбывать наказание в воспитательной колонии до достижения ими возраста двадцати одного года. Но зачем? Об этом основной республиканский уголовно-исполнительный нормативный правовой акт умалчивает.

В то же время рассматриваемый феномен может расцениваться и как весьма дальновидный юридический шаг. Допуская, таким образом, расширенное толкование собственных положений, УИК Республики Беларусь подразумевает тем самым перечисленные выше и иные цели некими самими собой разумеющимися условиями эффективного воплощения и развития идей международного права о противодействии неблагоприятным последствиям лишения свободы несовершеннолетних, не требующими специального декларирования.

Исправительно-трудовое, а вслед за ним и уголовно-исполнительное право на территории современной России традиционно придерживается позиций законодательного определения необходимости оставления в воспитательных колониях осужденных, достигших совершеннолетия, в виде нормативного закрепления конкретных целей дальнейшего их нахождения в таких учреждениях с 18-летнего возраста (исключение составлял лишь короткий период с июля 1997 г. по март 2001 г.). Сегодня в качестве таковых ч. 1 ст. 139 УИК РФ называет необходимость закрепления результатов исправления и завершения среднего общего образования или профессионального обучения. На первый взгляд, пожалуй, сложно представить себе иной механизм принятия решения об оставлении совершеннолетних осужденных, обладающий столь же высокой эффективностью, как и простотой. Ведь наличие рассматриваемой определенности позволяет оценить буквально целесообразность дальнейшего содержания в воспитательных колониях после исполнения 18 лет каждого отдельно взятого воспитанника.

Однако, к сожалению, российскому нормотворчеству известен прецедент, когда в 2008 г. попытка такого оценивания чуть было не стала причиной полного исключения возможности оставления в воспитательных колониях осужденных, достигших совершеннолетия, после того как 14 ноября 2007 г. в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации был внесен проект Федерального закона № 493301-4 «О внесении изменений в Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации (в части отбывания наказания осужденными в воспитательных колониях)». По мнению его инициатора депутата А.В. Розувана, значительная разница в возрасте лиц (от 14 до 21 года), отбывавших тогда наказание в воспитательных колониях меняла типологию данных учреждений. Указанное обстоятельство, с точки зрения автора законопроекта, приводило к тому, что цель оставления в воспитательных колониях совершеннолетних осужденных, поставленная уголовно-исполнительным законодательством, в результате не достигалась, образуя ничем фактически неоправданное приравнивание взрослых осужденных к несовершеннолетним. Новой редакцией УИК РФ, предлагалось установить правило, в соответствии с которым в воспитательных колониях уголовно-исполнительной системы Российской Федерации отбывали бы наказание только несовершеннолетние осужденные к лишению свободы, которые по достижении возраста 18 лет автоматически подлежали переводу в исправительную колонию общего режима. В этой связи считаем уместным обратить внимание, что в соответствии с ч. 3 ст. 132 УИК Республики Беларусь на осужденных, достигших 18-летнего возраста и оставленных в воспитательной колонии, распространяются условия отбывания наказания, нормы питания и материально-бытового обеспечения, установленные для несовершеннолетних осужденных. Подобным образом указанное обстоятельство предусматривается и ч. 2 ст. 139 УИК РФ. Однако в отличие от российской пенитенциарной законодательской практики в белорусской такое приравнивание не воспринимается ничем фактически неоправданным», что, собственно, подтверждается отсутствием каких бы то ни было поправок к тексту ст. 132 УИК Республики Беларусь за весь период его действия.

На наш взгляд, очевидность целей оставления в воспитательных колониях осужденных, достигших совершеннолетия, не требует их детального перечисления в Законе. Образованная тем самым неопределенность целей всегда будет выступать своего рода барьером, исключая манипулирование оцениванием возможности их достижения, амортизируя попытки пересмотра доктринальных подходов к предельному возрасту и условиям оставления в воспитательных колониях 18-летних, уже не детей, но еще и далеко не взрослых, в угоду тем или иным обстоятельствам.